

ПЕШЕЛЬНЫЙ РЫЦАРЬ

РИЧАРД ГРЕЙ

Ричард Грей
Пепельный Рыцарь

«Автор»

2026

Грей Р.

Пепельный Рыцарь / Р. Грей — «Автор», 2026

Война оставляет за собой лишь пепел и кровь. На границе между жизнью и смертью рождается рыцарь, которому предстоит пройти через страх, боль и цену клятв. Его путь только начинается, и мир вокруг него не прощает слабости.

© Грей Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Мост	5
План	9
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ричард Грей Пепельный Рыцарь

Мост

Бой шёл порядка девяти часов. В веках жгло и чесалось, а пальцы немели, но я продолжал махать мечом. Было очень больно. В глазах плыло. Все, кто был в авангарде, уже рухнули на землю и завалили её телами. Враг не сдавался. Далеко вперёд тянулась давка, мертвецу негде упасть, и тела погибших застревали в промежностях строя сослуживцев.

Ринуться в самую гущу я не спешил. Благо с тыла тоже шли дела. Ведь находились умники, что переходили реку вброд и заходили нам в тыл. Промокших и озябших их мне как эсквайру не составляло труда сражать на повал. Иногда кто-то прорывался сквозь плотный строй спереди, но таких было мало.

Я не знал, что делать. Сир Белетир где-то впереди, я оторвался от него. Мы поменялись ударами в пылу боя, пару раз, может три. В бою всё теряет смысл, время льётся, как водопад, а порой всё замирает и вся жизнь пролетает перед глазами.

Проделав финт и совершив быстрый выпад, я одолел очередного мечника. Мост был трухлявый и старый – казалось, стоял здесь с начала времён, но держался. Тела людей сыпались с него прямо в реку и эти груды уже не умещались на настиле. В воде тоже не хватало места, она побурела от гор людей и коней. Я всё норовил споткнуться о чью-нибудь физиономию.

На этот раз я споткнулся о тело копейщика. Когда я повалился на него, передо мной предстало мертвенно бледное лицо и остекленевшие глаза. Я смотрел и не мог оторваться, страшно и как-то красиво одновременно. Его плечо было пробито, горло рассечено. На поясе виднелась оранжевая повязка, цвет врага. Или нет. Наш цвет был красный, а повязка побурела от крови и загрязнилась в пятнах.

Бой продолжался, но я не мог оторваться от его глаз, таких голубых и безжизненных. Как странно: на его месте мог лежать и я. Хотя я лежал, но живой. Мгновение слабости чуть не стало явью.

Надо мной басом проревел рыцарь в чёрных доспехах с пером в цилиндрическом шлеме. Он вознёс молот надо мной. Я пытался быстро вспомнить хоть одну молитву, но в голове пусто. В груди словно вонзили острый клинок, настолько острый, что парализовал всё тело. Для меня этот клинок был лишь страхом. А клинок, что выглянул из груди рыцаря, был вполне реальным. Окровавленный конец смотрел на меня так же, как я когда-то смотрел на Розу при нашей первой встрече. Рыцарь залил меня своей кровью и, издав хрип, рухнул.

Мечник замер, пригляделся и, опустив клинок, подал мне руку. Это был Альберт. Мой спаситель, не раздумывая вынул меч и занёс его надо мной. Я крикнул во всё горло: – Свои!

– Заткнись, – сказал он. – Дальше в бой. Ты бы хоть стряхнул грязь с пояса. На меня уже раза три свои же покушались. – Альберт, какого чёрта? – выругался я. – Неужто такой обидчивый?

– Кто виноват, что лорды такие идиоты! Надо же додуматься выдать ткань для поясов цвета, похожего на цвет противника! Мы орали, пытаюсь перекрыть однотонную гадскую мешанину тысяч голосов.

Пока мы ласково беседовали, мимо меня пронёсся клинок. К счастью, я отбил его двойной финт, уход в сторону и добивающий от Альберта.

– А мы что, нет? Нас перед сражением тоже вином спаяли. Забыл главное правило: кто крепче пропаявает солдат, тот и побеждает. – Их всё меньше не становится, – выдохнул я. – Представь себе, – ответил он. – Надо добраться до мага. Сейчас он их главная огневая мощь.

Без него все повалят и побегут. – С чего вдруг? Он хоть и силён, но до ключа в победе маловат. – Ты видел их глаза? – Как-то не довелось, – усмехнулся Альберт. – Они словно в дурмане, кидаются в бой как одуревшие.

В этот миг на нас кинулся мужик с алебардой, размахивая ею, как угорелый. Мы отражали выпады, но он не сдавался. Прodelав у ворот, я посмотрел ему в глаза: такие же стеклянные, как у мертвеца, пена на губах. Словно зверь. Доска моста под моим правым коленом прогнулась и провалилась. Я отпихнул древко, отбив удар Альберта, и затем сам был вынужден отпустить меч. Рядом никого не было. Лицо алебардщика искривила злая мимика; на его щите была красная стрела с перьями.

– Поднять щиты! – закричал кто-то сверху. Я поднял голову и пожалел: сверху посыпалась туча – туча стрел. Альберт подхватил щит убитого, быстро подбежал и закрыл нас обоих. Я едва не поцеловал его.

Он кивнул. Мы бросились к краю моста. С трудом вытащив ногу, я закричал: – У тебя есть план? – Да, – ответил я. – Надо разрубить этого чертового мага. – Смелое заявление. Как ты собираешься протиснуться сквозь эту давку? – Никак. Предлагаю спуститься и пройти по дну реки. Альберт посмотрел на меня как на прокажённого. – Не смотри так! Там течение не такое сильное, к тому же дно уже устлано трупами, нас быстро не заметят.

По дороге на нас напали пятеро наших мечников. Отбив серию выпадов, я успел донести, что мы свои. Будь прокляты эти пояса. Мы с Альбертом продолжили марш-бросок до того, как участок настила, где стояли мы, не обвалился под тяжестью нагромождённых трупов. Я рухнул и плюхнулся в пенящуюся воду. Грязная вода щипала глаза; меч я не отпустил. Сверху на лицо повалились щепки, нога зацепилась за труп коня и потянула меня вниз. Я начал захлёбываться; мутная вода застелила взор, но где-то вдали пробивался свет.

Отринув страх, я нырнул глубже. В нос ударила толща воды. Так, будто выдавило глаза. Я оттолкнулся от дна и плавными ударами ног устремился к свету. О, сладкий воздух. Никогда прежде он не был столь ярким и желанным. Вокруг копошились люди; многие пытались, как и я, всплыть через непроницаемую кору из тел. Пара ещё живых коней ржала и яростно била копытами по воде, невольно крушив тонкие жизни тех, кто оказывался рядом. Кругом бушевали волны и пены.

Я держался за плавающую опору моста и нашёл взглядом Альберта; он держался за бревно. Свистнув, я дал знать, что от меня он ещё не отделался. Всплыв, мы устремились к противоположному берегу, огибая мусор и цепляясь за всё, что держалось на плаву.

Ближе к берегу меня что-то схватило за ногу. Я отчаянно пытался освободиться, но безуспешно, меня тянули под воду. В мутной воде я почти ничего не видел и уже стал терять силы. Последним усилием я ударил по страшной рожи, то ли рыбы, то ли человека. Её лицо было опухшим, местами с чешуёй. Оно взревело и ослабило хватку, и я вынырнул.

Повалившись на берег, я краем глаза заметил, как Альберт ловко расправляется с двумя мечниками. Через несколько минут мы оказались в тылу врага, там было почти пусто. Большинство стояло у берега или на мосту и добивало тех, кто подплывал слишком близко.

Как по заказу, справа вспыхнула шаровая молния и ударила прямо в мост. Опора загорелась и разлетелась на щепки. Участок с самым лютым пеклом рухнул. Люди вместе с обломками посыпались вниз. – Где он? – задыхаясь, спросил Альберт. – Думаю там, – сказал я и показал на небольшой холмик немного в стороне от моста. С него открывался вид на всё поле боя.

– Надо остановить его. – Он что, сошёл с ума? – выкрикнул Альберт. – Мост – стратегическая позиция! Вся битва идёт за него, это ключ к победе! – Помимо этого он убивает толпы наших людей и своих, – сказал я. – Видимо, хочет уничтожить всё на корню.

– А может, ты вдруг вспомнил свой обет? – прошипел маг. Добежав до холмика, мы пробивались сквозь стайку свиты мага – в основном алебардчиков и несколько мечников. У всех были такие же стеклянные глаза и пена на рту. На вершине стоял трухлявый старик в синем

балахоне из дорогих тканей; его густая седая борода была перевязана верёвкой. Рядом держал строй рыцарь в белых доспехах с аккуратной бурой бородой. Колдун вознёс руки, пробормотал заклинание – и из пальцев рванула молния. Рыцарь прошипел что-то ему в сторону. – Не переусердствуй, – сказал он без эмоций. – Не смей старого, – ответил маг. – К чему нам мост, когда наша цель – собрать как можно больше душ? – И замедлить их продвижение в наши земли! – отрезал рыцарь. – Без моста их войско не пойдёт дальше, а наше после передышки не сможет отойти. Это стратегическая позиция.

Рыцарь грозно посмотрел на чародея.

– Эй вы, петухи! – крикнул я, выходя из засады. – Слабо самим в бой выйти, так вы других на убой отправляете? Может если тут хорошенько поискать, найду ваши яйца!

Они оба удивлённо распахнули глаза. Мечник двинулся ко мне, маг остался позади. Откинув плащ, воин обнажил клинок. Лезвие сверкнуло на солнце. Эфес был массивный, но изящный.

– Ты смелый воин, – произнёс рыцарь, принимая боевую стойку. – Но одной смелости порой недостаточно.

Я встал в стойку. Несколько мгновений мы просто смотрели друг на друга, потом я сорвался с места.

Рыцарь с лёгкостью отбил мой первый выпад. Скользя по моему клинку, он едва не добрался до горла. Я успел отвести удар и ушёл в сторону. Мы разошлись и снова замерли.

Я услышал чьё-то бормотание. Кувырком влево я ушёл от шаровой молнии. Чёртов колдун.

Рыцарь тут же пошёл в атаку. Мы разменялись ударами и скрестили клинки. Вблизи я разглядел на гарде его меча массивную белую четырёхконечную звезду.

Мы снова отскочили.

– Так ты из ордена Белой Длани? Разве ваша задача не убивать нежить?

Рыцарь оскалился.

– Не твоё дело, сопляк, какова моя священная миссия.

Он ринулся вперёд. Я едва отбил его удар. Сила была такой, что я пошатнулся. В меня полетела очередная молния, и она наверняка поразила бы меня, если бы рыцарь не отвёл её своим серебряным клинком.

– Ты что творишь! – закричал издали маг. – Я же почти убил его!

– Не смей вмешиваться! – отозвался рыцарь. – Это мой бой!

– Ну как знаешь, – ответил чародей и снова направил молнии в сторону моста.

Наш поединок разгорелся с новой силой. Мы бились как два голодных волка за кусок добычи. Матёрые, крепкие, ни на шаг не уступающие друг другу.

В очередной раз сведя мечи, мы обменялись парой оскорблений. Нашу перепалку прервал резкий стон мага.

Рыцарь оглянулся.

На краю холма лежал колдун, обмякший и без сознания, похожий на тряпку в трактире. Над ним стоял Альберт. Я бы обругал его за неспешность, если бы не был занят.

Воспользовавшись заминкой, я отбил меч рыцаря и вонзил свой клинок в сочленение его доспеха. Он закричал. Рыцарь махнул мечом наотмашь и полоснул меня по руке.

Я выдернул клинок и отскочил. Мне стало дурно. Кровь текла ручьём. Я быстро глянул на рану и выругался. Рассечено глубоко. Если не закончу бой быстро, потеряю сознание.

Рыцарь опустил на одно колено.

– О Великое Синее Пламя! – воскликнул он. – Я, Генрих из рода Фаеронов, приношу священную клятву убить этих богохульников и отныне клянусь не иметь детей! Даруй мне силу! О Пламя, что вдохновляет сердца и озаряет путь к победе!

Его тело окутало синее сияние. Рана затянулась, клинок засиял ярче.

Я выругался.

– Так это правда. Вы черпаете силу из обетов и клятв.

Он поднялся и двинулся ко мне.

Мне ничего не осталось, кроме как биться. Левая рука повисла мёртвым грузом, и я уже не чувствовал кончиков пальцев. В воздухе повис странный запах. С каждым шагом Генриха волосы на затылке поднимались сами собой. Его взмах был такой силы, что меня отбросило в сторону, но клинок я не отпустил.

Я налетел головой на камень. Всё закружилось. Мир перевернулся. В ушах загудело. Голова стала будто чугунная и разразилась сильной болью. Во рту появился странный металлический привкус.

Не успел я оклематься, как последовал новый удар. На сей раз лезвие моего меча не выдержало и жалобно взвизгнув разлетелось на осколки. Ещё миг, и я бы полетел на небеса, но чёрт его дери, Альберт снова спас мою шкуру. Он попытался пронзить рыцаря в спину. Генрих даже не обернулся полностью. Полуоборот, короткое движение кисти, и удар Альберта ушёл в сторону. Он двигался не как человек. Синее свечение под кожей пульсировало, будто в его венах текла не кровь, а огонь. Альберт устоял.

Они сцепились. Я, оклемавшись и отряхнув пот с лица, поднялся на одно колено и тут же повалился. Я выругался. Ноги дрожали. Перед глазами всё плыло, как тогда, в реке. С трясущимися руками рыскал в траве в поисках оружия. Нашёл лишь рукоять и подобие стального, погнутого огрызка, что торчал в земле. В глазах всё плыло. Как следует выругавшись, опираясь на эту рукоять, я привстал. Ещё через попытку удержался на ногах. Меня чуть не стошнило, благо сделать было нечем.

Тем временем Альберт начал сдавать позиции. Его тиснили. Он уже утратил прыть и силы. У Генриха же будто прибавлялось мощи. Неуверенной поступью, будто пьяный, я направился к ним. Боже, это были самые мучительные шаги в моей жизни.

Альберт рухнул на землю. Рыцарь придавил сапогом его руку. Он распорол кожаный доспех и принялся медленно вырезать четырёхконечную звезду прямо на груди, проворачивая лезвие. Альберт стиснул зубы, но не издал ни писка. Я метнул камень ему в широкую спину. Рыцарь развернулся.

– Вам не одолеть меня, – прохрипел он. – Меня наделило силой само Синее Пламя.

Альберт, лёжа и приподняв ноги, ударил со всей силы прямо в пах. Рыцарь скорчился и застонал. Вспомнив детские игры, я рванул вперёд, врезался в него всем телом и повалил на землю. Обломок вошёл в глазницу с тупым хрустом. Я давил, пока не почувствовал, как сопротивление исчезло. Обломок вошел по самую рукоять. Синее свечение вспыхнуло ярче. На секунду я подумал, что оно выжжет и меня. Потом погасло. От него тянуло гарью, как от погасшего костра.

В тот день Генрих из рода Фаеронов, святой рыцарь ордена Белой Длани, пал от руки сквайра сира Белетира. В тот день пал не просто рыцарь. Пал человек, который обменял своё будущее на несколько минут силы. Альберт поднял меня, подпер своим плечом и приобнял, похлопав по спине.

– Альберт, рыжие не в моём вкусе, да и я больше по девушкам, – простонал я.

– Пошёл ты, – хмыкнул он.

План

Я очнулся от криков и жгучей боли. В нос сразу ударил запах ладана и пота. Я лежал на каком-то деревянном настиле. Надо мной была каменная сводчатая крыша с массивной дырой, закрытой лохмотьями. Я весь покрылся холодным потом. Вокруг слышались крики, стоны, мольбы о помощи. Хуже места не придумаешь.

Повернув голову, я увидел, как Сиру Элианору цирюльник пилит ногу. Мне стало ещё дурнее. Сир ерзал и бился в агонии. Двое помощников держали его, в зубах был какой-то прутик. Нога уже почернела, но продолжала дергаться.

Чтобы не смотреть на это, я отвернул лицо и тут же пожалел. Другой цирюльник, проверив жгут на моей руке, раскалённой кочергой прожёт что-то в пламени. Меня бросило в дрожь. Я не хотел этого. Я не должен был быть здесь.

Я раскрыл рот, чтобы обосновать, что моя рана не так серьёзна, как думали, но в пасть мне тут же залили какую-то дешёвую бурду. Кислая до невыносимости, она напоминала мочу, но это был эль. Проглотив мерзкую жидкость, я чуть не захлебнулся и испачкал кофта. Как посланница небес ко мне приблизилась молодая девушка, красивая так, что у меня вздрогнула душа. Прекраснее была только моя Роза. О, прекрасная Роза, где же ты.

Лирическую паузу прервала деревяшка, что мне вложили в рот. Ко мне поднесли раскалённую кочергу.

– Потерпи, – произнёс старый цирюльник, приподняв седые брови.

Я заревел. Орал во всё горло. Если бы не этот бурдюк эля, кричал бы ещё громче. Двое крепких парней держали мои руки. Я отключился. Последнее, что я увидел, были карие глаза незнакомки.

Когда я очнулся снова, попытался пошевелиться. Болело всё тело, особенно рука. На месте сияющей раны красовалась повязка из серой ткани. Голова звенела, во рту пересохло. Облизав сухие губы, я потянулся к ближайшему ковшу. В один присест осушил его и тут же выплюнул. В ковше была грязная вода, в которой полоскали использованные тряпки.

Осмотрелся, увидел, что вокруг уже не таклюдно, но многих всё ещё приносили. Кого-то носили прочь. Я поднялся с лежанки. Рука словно не моя. Неуверенной поступью вышел на свежий воздух, миновав сестёр безмолвия и цирюльников, возившихся у раненых.

Сир Элианор лежал без ноги. Его голубые глаза были открыты и пусты, как у того парня на мосту. Он не моргал.

Я подошёл к выходу, и меня оттолкнула в сторону группа людей. Они суетливо тащили чьё-то тело. Это был лорд Бран. Я никогда не видел его в таком состоянии. Из лба торчал обломок стрелы. Он был жив. Руки беспомощно свисали с импровизированных носилок, слегка дрожа в судорогах. Я когда-то видел подобное на полях у замка Зирон. Славная была битва.

Выйдя на свет, я вдохнул сладкий воздух, не запачканный потом и ладаном. Вокруг были свои. Кое-кто шёл неспешно, кто-то бежал, таща раненых. Я последовал примеру первых. Выйдя на свет, я вдохнул сладкий воздух, не запачканный потом и ладаном. Вокруг были свои. Наш полевой лагерь заметно проредел, но по-прежнему оставался живым. Многие ютились по палаткам. Кое-кто шёл неспешно, кто-то бежал, таща раненых или бежал за похлёбкой к общему чану. Я последовал примеру первых.

Нэнфис, по прозвищу Одноглазый, очевидно из-за отсутствия глаза, как всегда был на раздаче. Меня манил великолепный запах сытной похлёбки из чугунного котла и, судя по довольным лицам, на сей раз нас решили побаловать мясом.

– Эй, Нэнфис, – крикнул я, – что у нас на завтрак? Это твоя фирменная?

– О, это ты, – воскликнул он. – Мой глаз всегда рад тебя видеть. Нет, это не моя фирменная. В честь победы нас порадовали рыбой, так что сегодня у нас уха. А вот на ужин будет моя фирменная, с улитками и корой деревьев. Так что угощайся.

Нечто стало капать на мои сапоги. Это были слюны, что лились ручьём со стороны какой-то зарывшейся в грязь псины. Сдержав животный порыв, я пока воздержался от угощения. Пока что.

Просто, всегда после сражения я любил прогуливаться по вчерашним местам боевых действий. Это не было признаком гордыни или извращённой радости от мёртвых тел врагов, хотя, признаюсь, и такое в людях встречалось. Своими немногословными прогулками я хотел безмолвно проститься с погибшими товарищами. Но как я уже говорил, видеть трупы врагов мне всё же доставляло некое удовлетворение.

После нескольких минут по грязной дороге предо мной предстал мост. Ох уж этот чертов мост. Вид его был не из лучших. От некогда громоздкого сооружения из бревен и досок, служившего единственной переправой через Реина, остались какие-то ошмётки. Да, он ещё стоял, но был сильно покорёжён ударами молний того мага. Многие несущие балки обрушились, настил напоминал изрешечённый домик из веток. Поверхность его была устлана трупами. Над ними витали вороны. Река, как и тогда, была завалена телами людей и коней. Вода приобрела алый цвет.

Прогуливаясь по настилу, я вглядывался в лица погибших, в те, что ещё не были обглоданы птицами. Блуждая взором в надежде найти лицо того юнца, на которого я тогда упал, я хотел снова увидеть его стеклянные голубые глаза. Но нет. Единственное, что меня зацепило, – это тело рыцаря, насаженного на копье. На его цилиндрическом шлеме сидели чёрные вороны. Они выклёвывали глазницы через прорези в шлеме, их любимое лакомство.

Мою фрустрацию прервала рука, что внезапно лёгла мне на плечо. Это был Альберт. Рядом с ним стоял вечно смурной Койон.

– Что ты тут шляешься как неприкаянный? – с улыбкой спросил Альберт. – Наши парни, что остались добивать раненых, подумали, что ты вражеский шпион. Мы с Койоном уж решили, что у нас досуг появился.

– Как ты? – спросил я, пытаюсь хоть как-то внятно ответить.

– В порядке, – пожал плечами Альберт, почесав грудь в том месте, где тот рыцарь вырезал ему четырёхконечную звезду. – Рана всё ещё зудит, да он нам дал жару, но ты знатно проломил ему череп. Ох уж этот сукин сын. Гореть ему в чёрном пламени. Жаль, что не я его добил.

– А ты, Койон? – обратился я к нему.

Койон молча снял перчатку и протянул левую руку. На ней не было безымянного пальца и мизинца.

– В порядке, – сказал он, натягивая перчатку. – Пока прижигали, я смог попробовать хорошего вина.

– Подожди, – прервал я. – Откуда у тебя вино, а не та кислая бурда, что дают всем?

– Ну, так он это, – ответил Альберт, ехидно улыбнувшись. – Ты же слышал слухи, что он приударил за той кареглазой девицей из сестёр безмолвия? Так вот, это не слухи.

Мы оба с уважением посмотрели на Койона, возможно с долей зависти.

– Помолчал бы, – буркнул тот. – У нас с Сигрид ничего нет. Мы просто дружим.

Мелькнула минутка неловкого молчания.

– Мы тебя тоже искали, – наигранно откашлялся Альберт. – Тебя ждут сэр Белетир и лорд Эшфорд. Они все собрались в покоях лорда Брана. Говорят, хотят обсудить план дальнейших действий.

– Сир Белетир? – взбудораженно спросил я. – Так он жив?

– Живее всех живых, – ответил Альберт. – Этот старикан ещё всех нас переживёт. Так что идём скорее, негоже заставлять господ ждать. Да и мой сэр там уже должен быть.

– Идём, – подтвердил я.

Посреди просторного шатра стоял резной стол из ели. За ним сидели лишь трое: Лорд Эшфорд, Лорд Трэвис и, к моему удивлению, живой Лорд Бран собственной персоной. Остальные стояли вокруг них полукругом. Беседа проходила в весьма сдержанной форме, но лорд Бран явно был чем-то недоволен – по напряжённой линии губ и тяжёлому взгляду это читалось без слов.

Когда мы вошли, нас наградили лишь скользнувшими взглядами, продиктованными скорее любопытством, чем интересом. Под этими сеньями собралось немало знатных рыцарей и их оруженосцев. Едва я переступил незримый порог, ко мне сразу подошёл Сир Белетир и... обнял.

– Мальчик мой, – произнёс он. – Я слышал о твоём подвиге. Я горжусь тобой. Когда я увидел, как сквайр сира Дунлана тащит тебя бездыханного, я был в растерянности. Не знаю, что бы я делал без своего верного оруженосца. Но, к счастью, ты жив.

– Спасибо, сир, – робко ответил я.

Мне и вправду было тепло слышать похвалу Сира Белетира. Он не был мне отцом. Но наша связь напоминала нечто схожее. Мы скорее были как пасынок и отчим, но очень близкие.

– Как сам? Как твоя рука?

– Всё отлично, сир. Готов снова идти в бой.

– Рад слышать. Горячие головы и умелые руки нам как никогда нужны.

Он отвёл меня в сторону, подальше от общего гула.

– Только не говори, что опять шастал по полю боя. Опять твоя меланхолия.

– Нет, сир... Точнее, да...

Он приподнял седую бровь.

– Но?– Не поймите неправильно. Я люблю войну, как и все мы. Война сделала из меня человека. Она подняла меня с колен, вскормила и привела к вам. И поведёт дальше.

Старик, как всегда, видел меня насквозь.

– Но я не могу отделаться от мыслей, что мы порой делаем нечто неправильное. Я, конечно, не жалею наших врагов, но... у каждого из них были семьи. Мать, отец, любящая жена, дети. А мы их разлучили. Так не должно быть. К тому же с каждым ранением, с каждым отрезанным куском от себя я крепчаю, становлюсь сильнее, но будто с каждым таким куском теряю часть себя.

Он слушал, не перебивая.

– Слушай, Алатар, – мягко произнёс он. – Как я тебе говорил и как сказал твоей матери, когда забирал тебя на войну: война – это пламя. А мы лишь клинки, сталь. Война закаляет нас так же, как огонь закаляет сталь. Ты поймёшь это... с годами. В своё время, когда твой отец ушёл на войну, я уверен, он тоже прекрасно это понимал.

Я кивнул.

– Славно, – сказал он. – Тогда давай присоединимся к остальным.

В это время спор между лордами приобрёл более эмоциональный характер.

– Ты себя слышишь?! – воскликнул лорд Бран. – Может, это не мне стрела вошла в голову по самое оперение!

– Успокойся, Бран, – сдержанно произнёс лорд Эшфорд. – Меньше эмоций, подумай логически и послушай меня. Это война, на войне всегда есть жертвы.

– Нет, это ты послушай! – закричал лорд Бран, с пеной у рта. – Ты хочешь отправить на убой весь наш авангард!

– Хорошо, – не выдержал Эшфорд. – Что ты предлагаешь? Взять замок в осаду и дожидаться, пока они сами его не сдадут?

– Нет, – успокоившись, сказал лорд Бран. – Я предлагаю менее кровавый выход из положения. Мы задушим их голодом. По сведениям разведки, они отправили против нас большую

часть своих сил. Сейчас там от силы пятьсот, ну максимум шестьсот. Мы перерезали все их пути отступления. Сожгли поля и взяли замок в кольцо. Им негде брать припасы. Запасы в самом замке ничтожны для такой орды, и этой орды недостаточно, чтобы пробить наше плотное кольцо.

Слова лорда Брана сопровождались энергичным тыканьем пальца в контурную карту.

– Трэвис, – обратился Бран. – Сколько у нас воинов?

– По последним докладам, – ответил Трэвис, почесывая козлиную бородку, – около трёх тысяч с учётом резерва, плюс чуть больше пятисот наёмников.

– Как это «чуть больше пятисот»? – с широко раскрытыми глазами воскликнул лорд Бран. – Их же было порядка полутора тысяч!

– Да, – продолжил Трэвис, нервно почесывая бородку, – но большая часть была в авангарде, а вы, как знаете, там никого не оставили. Многие из оставшихся, пока мы собирали раненых, угнали последних лошадей и скрылись в неизвестном направлении.

В этот миг я чуть сдержал грязную брань. Терпеть не могу наёмников, ни капли чести, никакой преданности, только жажда наживы. Надо напомнить себе попросить Альберта убить меня, если я когда-нибудь скажу ему, что хочу стать наёмником.

– Вот видишь, три с половиной тысячи, – подметил лорд Эшфорд. – Этого более чем достаточно для молниеносного рывка, и черезчур много для длительной осады. Нам тоже долго не прокормить столько людей.

Лорд Бран замялся, губы его дрожали.

– Это кровь наших людей, – едва слышно проговорил он, – сколько из них вернётся, скажи мне

Слово повисло в воздухе. В шатре стали слышны другие звуки, шаги за занавесью, где стояла свита. Белетир наблюдал молча, лицо его было как камень у могилы, но в глазах блеснуло что-то, что можно было принять за сожаление.

Эшфорд вернулся к карте, его пальцы знали маршруты и слабые места. Он не был жесток ради жестокости. Он видел цель и считал цену, не моргая. Его голос был как чёрная смола – густой и непоколебимый.

– Мы бьём быстро и жёстко, – сказал он, – мы ломаем их хребет одним ударом. Потери будут, да, но если мы растянем осаду, их жизнь переправит им надежду, а надежда дороже любого хлеба, она даёт силу сопротивляться. Я выбираю путь, где падёт меньше тех, кто и так умрёт от медлительности, мы берём замок штурмом, и если цена будет высока, то счёт заплатят те, кто уже решился платить.

Бран вскочил, глаза его загорелись не только от гнева, но от бессилия.

– Ты отдаёшь людей в мясорубку, – прошипел он, но голос его был уже не таким уверенным.

Ненадолго повисла тишина.

– Штурм, – произнёс он наконец, тихо и твёрдо, – завтра на рассвете.

В шатре словно упал камень. Бран застонал, он сжал кулаки, зубы скрипнули, но ответил лишь коротким ахом. Трэвис покачал головой и медленно кивнул, как человек, что взвесил серебро и понял цену. Белетир опустил подбородок, и в его глазах не было ни одобрения, ни покорности, там было что-то другое, старое, как земля.

– Пусть будет по твоему, – сказал он, встав на одно колено. – Бог или судьба рассудят, кто прав, но я, рыцарь, что поклялся служить тебе, пойдет вновь за тобой.

Остальные рыцари последовали его примеру. Шёпот сомнений, что ещё мгновение назад витал под сводами шатра, растворился, уступив место тяжёлому, почти осязаемому согласию. Решение было принято. Не единодушно – но окончательно.

Я испытал гордость, что служу такому сиру.

В этом склонённом жесте не было раболепия, не было слепого подчинения. Это был выбор. Осознанный, тяжёлый, мужской. И я вдруг понял, что именно так и выглядит настоящая верность – не криками на поле боя, не бравадой у костра, а молчаливым согласием идти туда, где будет больно.

Сир Белетир выпрямился последним. Его седые брови сошлись на переносице, но взгляд оставался ясным. Он не спорил более, не зывал к милосердию и не метал громы. Он просто принял решение лорда – как клинок принимает удар молота.

Лорд Эшфорд медленно обвёл шатёр взглядом. В нём не было торжества. Лишь холодная, выверенная решимость.

– Тогда готовьтесь, – произнёс он негромко. – На рассвете мы ударим по восточной стене. Основной натиск – через пролом у старой башни. Лучники займут холмы. Резерв удержит тыл. Нам нужен один пролом. Один – и этого будет достаточно.

Он говорил спокойно, будто речь шла о жатве, а не о сотнях людей, которым предстояло умереть.

Полог шатра резко распахнулся, внутрь ворвался холодный воздух и вместе с ним – захавшийся гонец. Грязь на его сапогах ещё не успела подсохнуть, плащ был изорван, будто он продирался через колючие заросли или – хуже – через людей.

Он не стал кланяться. Лишь опустил на одно колено и, не поднимая глаз, быстро приблизился к столу.

В шатре воцарилась тишина.

Гонец подался к Лорд Эшфорд и что-то прошептал ему на ухо.

Я не расслышал слов. Но увидел лицо.

Физиономия Эшфорда на миг исказилась – не страхом, не гневом. Искренним удивлением. Брови его едва заметно дрогнули, губы приоткрылись.

А затем...

Клянусь, я готов был поклясться – в уголке его рта мелькнула улыбка.

Едва уловимая. Быстрая. Почти хищная.

Он выпрямился.

– Господа, – произнёс он громко, так, что голос его разрезал шатёр, как клинок – плоть. – Наши разведчики только что подтвердили... в замке началось движение.

В шатре зашумели.

– Какое движение? – резко спросил Бран.

– Внутренние ворота открывались, – спокойно ответил Эшфорд. – Несколько отрядов покинули крепость и двинулись к северному лесу.

– Бегство? – выдохнул Трэвис.

– Возможно.

Слово повисло в воздухе.

– Или ловушка, – процедил Бран.

Эшфорд кивнул.

– Именно.

Он подошёл к карте, пальцем медленно провёл по северной кромке.

– Если это попытка прорыва – значит, запасы у них на исходе быстрее, чем мы думали. Если отвлекающий манёвр – значит, внутри что-то готовится.

Он сделал паузу.

– В любом случае, они зашевелились.

Белетир стоял неподвижно, но я заметил, как его пальцы слегка сжались на рукояти меча.

– И что это меняет? – спросил он спокойно.

– Всё, – ответил Эшфорд.

Он перевёл взгляд на каждого из нас по очереди.

– Мы не будем ждать рассвета.

Шёпот прокатился по шатру.

– Штурм начнётся раньше. Под покровом ночи.

– Это безумие, – тихо сказал Бран. – Ночью?

– Безумие – это дать им время, – холодно отрезал Эшфорд. – Если они открывают ворота сейчас, значит, внутри не всё так гладко. Возможно... не все лояльны своему хозяину.

Последняя фраза прозвучала как камень, брошенный в тёмную воду.

– Мы ударим двумя клиньями, – продолжил Эшфорд. – Первый – по восточной стене, как и планировалось. Второй – севернее, туда, где замечено движение. Пусть думают, что мы клюнули на приманку.

Он обвёл всех взглядом.

– Потери будут велики. Очень велики. Но если мы проломим их строй сегодня, то завтра нам некого будет штурмовать. Игра стоит свечь.

Слова его звучали спокойно. Слишком спокойно.

– А если это действительно бегство? – спросил кто-то из рыцарей.

Эшфорд посмотрел на него так, словно вопрос был детским.

– Тогда тем более нельзя медлить.

Тишина.

Я почувствовал, как холод медленно поднимается по спине.

Гонец всё ещё стоял на колене. Его дыхание было тяжёлым. Он поднял голову и тихо добавил:

– Милорд... ещё кое-что.

Эшфорд чуть наклонился.

– Говори.

– Когда ворота открылись... из замка вышли не только солдаты.

В шатре стало настолько тихо, что я услышал собственное сердцебиение.

– А кто? – спросил Бран.

Гонец сглотнул.

– Люди в чёрных одеяниях. Без гербов. Они шли первыми.

Мой взгляд сам собой метнулся к Белетиру. Он стоял неподвижно.

Эшфорд медленно выпрямился.

И снова – на долю секунды – на его лице мелькнуло выражение, которое невозможно было принять ни за страх, ни за тревогу.

– Господа, – произнёс он. – Похоже, ночь будет интереснее, чем

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.